

УДК 821.111

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И «ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ» ЖЕНЩИН
В РОМАНАХ В. ВУЛФ, Д.Г. ЛОУРЕНСА И Р. ОЛДИНГТОНА****И.А. АНТИПОВА***(Полоцкий государственный университет)*

На материале романов Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй», Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», Ричарда Олдингтона «Дочь полковника», а также рассказа Ричарда Олдингтона «Повержена в прах» исследована проблема влияния Первой мировой войны на судьбы женщин, которые прямо или косвенно связаны с военными событиями. На примере данных произведений показана специфика изображения судьбы «потерянного» поколения с женской точки зрения. Краткий анализ женских образов, в основе которого лежит изучение причинно-следственных связей, позволил выделить так называемые типы «потерянности». Данное исследование даёт возможность наиболее полно представить содержание понятия «потерянное поколение».

Вступление. «Потерянное поколение» как социальное явление появилось в странах, принимавших участие в Первой мировой войне. Её участников называли «Потерянным поколением», так как психологические последствия участия в войне откликнулись в послевоенном существовании: травмированное сознание, скептицизм, одиночество, углубленность в собственную боль – всё это не позволяло приспособиться к мирной жизни. Данное выражение: «Все вы – потерянное поколение» приписывается американской писательнице Гертруде Стайн, жившей с 1903 года в Париже. Прославил же данное выражение Э. Хемингуэй, сделав одним из эпиграфов своего романа «Фиеста. И восходит солнце» (1926).

Историю определения Э. Хемингуэй рассказал позднее, в книге воспоминаний «Праздник, который всегда с тобой» (1964); одна из её частей называется «Потерянное поколение». Под влиянием Хемингуэя «потерянность» стала универсальной характеристикой, имеющей отношение как к тем, кто, возвращаясь домой с фронта, не видит больше различий между «войной» и «миром», так и к тем, кто, пережив трагедию разочарования в «мире», без всякой войны оказывается «посторонним», испытывает «беспокойство» от присутствующих в обществе ценностей и традиций.

Как историко-литературный термин «потерянное поколение» – понятие неопределённое, многозначное, многосмысловое и метафоричное. Если в начале 1920-х годов оно трактовалось достаточно конкретно, то к концу десятилетия становится олицетворением важнейшего измерения человеческого существования вообще. По существу, для этого поколения война никогда не заканчивалась: война выросла в эмблему времени, всей цивилизации, стала символом действительности в целом. С течением времени термин «потерянное поколение» приобрёл более широкий смысл. Сегодня за выражением «потерянное поколение», часто встречающимся в литературных спорах, стоит даже не столько творчество тех или иных писателей того времени, сколько вполне определённое умонастроение, некий комплекс чувств и идей.

Основная часть. Женские судьбы неотделимы от мужских и находятся между собой в тесном переплетении и определённой зависимости. Следует оговориться, что речь пойдёт именно о поколении женщин, ставших «потерянными» по причине Первой мировой войны и её последствий. Исходя из причин так называемой «потерянности», мы выделили *типы «потерянности»*.

Тип «потерянности», причиной которого является трагический опыт мужчины (выбитого из привычной колеи), – вызывает дискомфорт, опустошённость, доходящую до отчаяния, у женщины.

Психологические последствия участия в Первой мировой войне откликнулись и в послевоенном существовании бывших фронтовиков, многие не сумели осознать себя в новом послевоенном мире и найти свой путь в повседневной жизни. На войне все было понятно – есть враг, его нужно убивать; есть жизнь – за нее нужно бороться; все цели обозначены, приоритеты расставлены. А что же после войны? Возвращение в «нормальную» жизнь оборачивается тяжелом процессом ломки всех сформировавшихся установок и норм; здесь все по-другому: непонятно, где враги, где друзья; мир предстает перед человеком во всей своей хаотичности и абсурдности, здесь уже нет ни ориентиров, ни ясно обозначенных целей. Невозможность вернуться к прошлым убеждениям и нежелание принять устои современного общества – и «потерянное поколение» в своей значительной массе стало моральным банкротом, лишённым духовности. Война стала их жизнью, без прошлого и будущего. Большинство из них погрузилось в депрессию. И, как следствие, для многих из них смерть как освобождение оставалась единственным выходом...

История Септимуса Смита (роман Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй»), контуженного ветерана первой мировой войны, входит в роман как самая драматическая. Одним из первых Септимус записался добровольцем на фронт, обрел свою зрелость под пулями и притом остался в живых, в то время как его друга Эванса настигла смерть. Теперь герой романа снова живет в Англии, с женой, но мир после войны кажется ему абсолютно бессмысленным. На полях сражений он потерял главное – способность чувствовать. Внутренний мир героя по окончании войны меняется кардинальным образом. Он заново переоце-

нивает окружающий мир, людей, свои прежние идеалы и увлечения. Септимус не может адаптироваться к мирной жизни, душевный надлом, депрессия становятся причиной психического расстройства. Война оставила в его психике зияющую рану – и доктор Доум, и врач-психиатр Уильям Брэдшоу бессильны здесь что-либо сделать. Септимус Смит заканчивает жизнь самоубийством, выбрасываясь из окна меблированной квартиры в Блумсбери...

Значимым является и образ жены Септимуса, итальянки Лукреции. Она – единственный человек, который остается вместе с Септимусом на протяжении всего повествования. Их отношения задают в романе своеобразную микротему экзистенциального одиночества, «одиночества вдвоем», одиночества в мире одиночеств, в котором сказать о самом сокровенном нельзя даже самому близкому человеку. Лукреция, измученная сходящим с ума на ее глазах мужем, в отчаянии бросает ненавистному ей пространству вызов: «Посмотрели бы вы, какие сады в Милане!» – сказала она громко. Но кому? – Здесь никого не было. Ее слова замерли...» [1, с. 40]. И далее: «Больше она не могла, не могла терпеть... <...> Невозможно сидеть с ним рядом, когда он смотрит вот так и не видит ее, и все он делает страшным – деревья, и небо, и детишек... <...> Я одна! Я одинока! – крикнула она фонтану...» [1, с. 40].

Испытывая острое чувство одиночества, Лукреция вспоминает свою родину, Италию, и, сравнивая ее с Англией, не находит утешения. Англия – чужая, холодная, серая. Здесь никто не способен по-настоящему понять её, ей не с кем даже поговорить: «Когда любишь – делаешься такой одинокой. И никому ведь не скажешь, теперь не скажешь и Септимусу, и, оглянувшись, она увидела, как он сидит – скорчился в своем потрепанном пальтеце, смотрит. <...> Ей – вот кому плохо! И никому ведь не скажешь» [1, с. 40]. Родная Италия кажется Реции сказочной страной, где она была счастлива вместе с сестрами, где она встретила и полюбила Септимуса.

Лукрецию неотступно мучает вопрос: «За что она должна страдать? ..За что?». Размышляя о своей жизни, она не находит ответа, ведь ничего плохого не сделала, любила Септимуса, пожертвовала ради него своей родиной и была такая счастливая. Молодая женщина любит своего мужа, она никогда не видела его пьяным или злым, он всегда был ласковым, понимающим, даже дома её так не понимали. Реция пытается оправдать поведение Септимуса последствиями войны. Она простая девушка, в отличие от мужа, не читавшая Шекспира, хочет простого семейного счастья. Её естественное желание иметь сына (ведь она не может жить без детей) Семптимус пресекает, мотивируя тем, что «нельзя обрекать детей на жизнь в этом мире. Нельзя вековечить страдания и плодить похотливых животных, у которых нет прочных чувств, одни лишь порывы, причуды, швыряющие их по волнам» [1, с. 88]. Узнав, что дочь соседки ждёт ребёнка, Реция впервые после свадьбы тихо, горько, отчаянно плачет. Любовь к мужу причиняет героине глубокие страдания. Измученная, одинокая, «потерянная», живущая в постоянном страхе, доведённая до отчаяния сумасшествием мужа (последствия военной контузии), она, с одной стороны, стремится помочь мужу, искренне радуется малому проблеску его «здорового состояния», с другой стороны, втайне желает ему смерти, как обоюдного избавления. «Он умер, – сказала она и улыбнулась бедной старушке...» [1, с. 133].

Тип «потерянности», причиной которого стало физическое увечье мужчины, приводящее к неспособности ощутить «радость тела» и помочь женщине выполнить важнейшую жизненную функцию, функцию деторождения. («Жизнь оправдана только тогда, когда тело и мысль находятся в гармонии, когда между ними есть естественное равновесие и когда они взаимно уважают друг друга» Д.Г. Лоуренс [6, с. 6]).

Война в пух и прах разбила счастье Констанции Чаттерлей, сделала инвалидом её мужа Клиффорда (роман «Любовник леди Чаттерлей» Д.Г. Лоуренса).

Клиффорду Чаттерлею, унаследовавшему титул баронета после смерти отца и погибшего на войне старшего брата, было двадцать девять лет, когда он, вернувшись на побывку с фронта, женился на двадцатитрёхлетней Констанции (Конни). Проведя с молодой женой отпуск, Клиффорд вернулся на фронт, откуда «полгода спустя его, тяжело раненного, наскоро слепив из отдельных кусков, отправили в Англию» [6, с. 4]. В течение двух лет он был под наблюдением врачей, а затем его признали выздоровевшим, и Клиффорд смог вернуться к обычной жизни, но нижняя часть его тела, начиная с бёдер, была навсегда парализована. Он не мог передвигаться без инвалидного кресла. «Он столько перестрадал, что способность к страданию у него притупилась... Заглянув в лицо смерти, он относился к жизни, к которой чудом был возвращен, как к чему-то сказочно драгоценному. По его беспокойно блестящим глазам было видно, насколько он гордится собой за то, что после всего случившегося он все же смог выжить, но после перенесенных им страданий внутри у него что-то умерло, и он больше не был способен так тонко чувствовать, как раньше. Душа его стала опустошенной» [6, с. 8].

Материально осязаемый и трагически необратимый факт физической неполноценности Клиффорда навсегда лишил его счастья физической любви. «Ранение Клиффорда, лишившее его мужественности, – справедливо отмечает Т.В. Степанова, – было символом, который пустил глубокие корни в послевоенной литературе. В нем сплелись воедино и ощущение непоправимости катастрофы прошедшей войны, незаживаемости ран, нанесенных человечеству безумием милитаристской схватки, и тема бесплодия, звучащая в унисон с «Бесплодной землей» Т.С. Элиота, и мысль о параличе, сковавшем не только тело, но и душу человека «потерянного поколения» [9, с. 48].

Конни и Клиффорд были привязаны друг к другу, но по-своему, отвлечённо: «В нём было убито слишком много, чтобы он мог когда-нибудь быть весёлым и лёгким. Он был калекой, и вот почему Конни привязалась к нему» [6, с. 16]. Видя, как мужа всё больше и больше сковывал душевный паралич, как всё чаще он замыкался или впадал в безумную тоску, Конни хотелось кричать от отчаяния и ужаса, и тогда она горько плакала. Она понимала, что так давали о себе знать его душевные раны. Вместе с годами в ней росло сознание пустоты и ненужности её жизни: «Умственная жизнь – её и Клиффорда – постепенно начала казаться ей пустой» [6, с. 47], она стала чувствовать, что живёт в пустоте, покрытой лицемерием слов. Её тело, лишённое физической близости, становилось тусклым, изнурённым, серым, телу «как бы недоставало солнца и тепла» [6, с. 64]. Близкие Конни отмечают её нездоровый и больной вид, отсутствие жизненной энергии, упадок сил.

Красноречивыми, наполненными трагизма являются сцены возле сторожки, где наседки высидивают фазаньи яйца. Впервые увидев эту картину, сердце Конни пронзает жгучая боль: «Сама она так потерянная и ненужная, такая несамка – комок нервов» [6, с. 102]. Она начинает жить одним желанием: пойти в лес к наседкам, вся остальная действительность для неё превращается в дурной сон. Однажды в чудесный солнечный день главная героиня видит вылупившегося цыплёнка. Она испытывает, с одной стороны, упоение от созерцания новой, чистой, искрящейся маленькой жизни, с другой стороны, «...она никогда ещё не чувствовала так остро свою агонию ненужной самки» [6, с. 103]. «Она отвернула лицо и горько, слепо рыдала, со всем отчаянием своего потерянного поколения»... [6, с. 105]. Эта, казалась бы, обыденное событие переворачивает жизнь главной героини.

Констанс, подавленную ощущением бесплодности своей жизни, исполненную отвращения ко всему искусственному и мёртвому в собственном муже и людях его круга, влечёт к Мэллорсу, егерю, в котором она видит тепло, человечность, участие.

Показательны чувства женщины, когда она пришла после очередной прогулки по лесу, после физической близости с Оливером. В тот вечер она даже не стала принимать ванну, потому что его запах, его пот, оставшийся у неё на теле были её самыми дорогими реликвиями. Она пришла из леса вся преображённая. ...Она никогда не была такой мягкой и умиротворенной в своей неподвижности. ... Она была погружена в свое тихое упоение – таким бывает лес ранней весной, издающий легкие, радостные вздохи, вздохи раскрывающихся почек. ... Она была подобна лесу, подобна темному сплетению дубовых ветвей, неслышно жужжащих мириадами распускающихся почек. ...» [6, с. 125–126].

Констанция, утонченная и образованная светская дама, по началу осознававшая разделяющие её с Оливером социальные барьеры, тем не менее инстинктивно тянется к нему, влекомая не только и не столько его мужской красотой и обаянием, сколько цельностью его личности, его уверенностью в том, что счастье – возможно, что оно рядом, в нетронутой цивилизацией прелести сельской природы, в неприхотливой сторожке в лесной чаще. Выросшая в свободомыслящей среде, главная героиня находит в себе силы сделать выбор между настоящими ценностями и миражами, определить свое место в жизни.

Финал любви Оливера и Конни весьма грустен – отделенные сотнями миль и необходимостью пройти сквозь ад бракоразводных процессов, любовники пишут друг другу письма в надежде выстоять перед испытаниями.

Тип «потерянности» – «невостробованная женщина», причина в этом случае заключается в том, что на фронтах войны погибло поколение мужчин, а это привело к дефициту молодых женихов и мужей.

Роман Ричарда Олдингтона «Дочь полковника» – история личной драмы провинциальной девушки из «среднего класса», обречённой социальной средой, воспитанием и последствиями войны на пустую, жалкую жизнь и душевные страдания. Судьба героини романа «Дочь полковника» Джорджи Смизерс принадлежит к поколению, чья молодость совпала с войной. Её судьба определена войной. Одну из причин личной драмы Джорджи Смизерс Олдингтон усматривает в последствиях войны, истребившей миллионы мужчин и в их числе вероятного избранника девушки: «Существуют тысячи и тысячи таких Джорджи, – пишет Олдингтон, – возможные мужья которых лежат, истлевая, под надгробными памятниками жертвам войны ... Поколению Джорджи не хватает миллиона мужчин» [8, с. 46].

Основу сюжета составляет история Джорджи Смизерс, история её взаимоотношений с жителем соседней деревни мистером Парфлитом и заезжим молодым колониальным чиновником Джеффри Хантер-Пейном. С этими молодыми людьми главная героиня пытается, правда безуспешно, устроить своё семейное счастье.

Судьба Джорджи изображается на социальном фоне, обрисованном достаточно скупой, но очень точно и выразительно. Олдингтон воссоздаёт атмосферу быта и нравов провинциальной Англии в послевоенное время. Действие развивается в маленькой деревушке Клив, которая представляет собой «неприглядный уголок, густо затканый паутиной старых-престарых предрассудков» [8, с. 47]. В романе дается картина угнетающей скуки, серости, непроходимой тупости и однообразия провинциальной жизни, питающейся мелочными событиями, оскорбительными сплетнями, завистью, коммерческими расчетами. Каждый дом – крепость, а за её стенами – неудачные жизни и исковерканные судьбы.

Беспрекословно принимая «правила, обычаи и предрассудки» своей среды, Джорджи, несмотря на свою ограниченность, испытывает потребность в живом и добром чувстве. Первое столкновение с реальной жизнью, происходит тогда, когда Лиззи, служанка Джорджи и ее родителей, оказывается беременной.

Противоречивые чувства и смятение охватывают Джорджи: жалость и сопереживание соседствуют с ревностью и завистью: «Она гневно и пристыженно пыталась заглушить внутренний голос, настойчиво напештывающий, что для Джорджи Смизерс было бы куда лучше сидеть сейчас на месте Лиззи Джадд, опозоренной, напуганной, рыдающей, но зато сполна исполнившей назначение женщины, чем стоять в стороне от неё и быть выше всего этого – быть целомудренной благовоспитанной девицей, которая с негодованием обрывает всякие неприличные поползновения ещё до того, как они обретут реальность. Пусть трагедия, но насколько больше в ней жизни, чем в предстоящем ей самой никчемном благопристойном будущем...» [8, с. 74]. В этой ситуации главная героиня видит себя «как чудовищную аномалию... никому не нужный товар на рынке рода людского» [8, с. 74]. Джорджи томится и мечтает о настоящей, полной глубокого смысла жизни, которая, как она чувствует, проходит мимо неё и может быть дарована только силой любви.

Влюбившись в своего кузена Джеффри Хантер-Пейн, молодого колонизатора, Джорджи открыла в себе способность чувствовать, ощущать радость от каждого мгновения жизни. Чувство любви принесло не только радость в открытии окружающего мира, но главное чудо, по словам автора, состояло в том, что изменилось лицо Джорджи: нос обрёл гармонию формы и цвета, тусклость глаз сменилась блеском, губы напоминали вишни – она стала хорошенькой.

Джеффри Хантер, предмет её мечтаний и надежд, покидает героиню, испугавшись «серьёзности её намерений». Письмо кузена стало для Джорджи действительно трагедией, разрушило все надежды и привело главную героиню к нравственной смерти. В последней сцене автор сознательно отказывается от изображения внутреннего мира Джорджи, не комментируя чувства, тем самым даёт понять, что душа дочери полковника умерла и наступила нравственная смерть. Атмосфера краха передаётся простым перечислением передвижений главной героини по комнатам: «Джорджи торопливо пробежала письмо стоя. Потом села поближе к свече на тумбочке и перечла его – очень медленно и внимательно. После чего аккуратно уложила назад в конверт, а конверт заперла в шкапулке для драгоценностей рядом с большим пакетом писем и прочего из бюро полковника. Когда она надела ночную рубашку и уже собралась лечь, она пристально посмотрела на своё отражение в зеркале, подняв свечу так, чтобы лицо было полностью освещено» [8, с. 268]. Последняя фраза отрывка содержит знаменательный подтекст. До этого мы были свидетелями того, как Джорджи, некрасивая, обыкновенная девушка осветилась и стала почти прекрасной от чувства любви. И когда любовь прошла, она долго всматривается в своё изображение в зеркале...

В конце романа Джорджи предстаёт перед нами удивительно одинокой, никому не нужной, без реальных планов на будущее. У неё нет воли защитить себя, ни бороться за свою любовь, она не подготовлена к жизни. Она искренна в своем желании устроить свое семейное счастье, искренна в потребности получить от людей добро, ласку, любовь и в готовности отплатить им тем же. Известный исследователь творчества Олдингтона М.В. Урнов считает, что источник личной драмы Джорджи Смизерс не только в последствиях войны, истребившей миллионы мужчин, но «в ещё большей мере – в семейной и общественной среде, искалечившей её индивидуальность» [11, с. 45].

В образе главной героини романа «Дочь полковника» Джорджины Смизерс Олдингтон показал трагедию женщины, обречённой войной, семейной и общественной средой на нравственную смерть.

Тип «потерянности» – духовный распад женщины, вызванный глубочайшим кризисом, что явилось следствием и влиянием Первой мировой войны.

Констанс Лэчдэйл из рассказа-элегии «Повержена во прах» (Р. Олдингтон, сборник «Кроткие ответы» («Soft answers», в некоторых переводах «Нежные ответы») представляется автору «символической фигурой». Он утверждает: биография героини – не банальный случай, не заурядный эпизод в кругу «золотой» молодежи. Эта женщина была лучше других. У нее было достаточно проницательности, чтобы сквозь светское великопение разглядеть духовное ничтожество «сильных мира сего», к среде которых принадлежала она сама. Она обладала известной долей здорового чувства, заставившего её хотя бы иногда испытывать отвращение к пышной и скандальной богеме. Словом, было нечто, поднимавшее Констанс над общим уровнем. Однако её недовольство и «бунт» против общества приняли уродливый вид.

Личные достоинства – внешнее обаяние, энергия, активность, – и социальные привилегии – высокое положение в обществе, богатство – всё отдаётся слепой и губительной страсти, какому-то ненасытному и всежигающему томлению-наваждению. Автор опечален и взволнован жестокой судьбой главной героини, которая «была так прекрасна, что могла бы соблазнить святого» [8, с. 326]. Им движет интерес близкого свидетеля событий разобраться в драматической биографии женщины, обладавшей талантом, красотой, обаянием, свободой, богатством, всяческими привилегиями, которая «всё это превратила в невообразимую мешанину, какая получается в корзине с яйцами, если уронить её на каменной железнодорожной платформе» [8, с. 326].

Олдингтон задаётся вопросом «почему?». Почему в этой одарённой женщине победило зло, принёсшее погибель не только ей, но и тем, кто поддался ее влиянию. Праздность, отсутствие цели, потакание прихотям, сумасбродство, угар вечеринок и ночных клубов, «свободная любовь, в которой нет ни свободы, ни любви», – одно, дополняемое другим, подготавливало злоеущую метаморфозу и отвратительную развязку. Смерть Констанс, по мнению автора, была самой ужасной, прежде всего потому, что человек жил, сознавая, что он мёртв. Бесноватый пир Констанс Олдингтон ставит в связь с конкретной средой и эпохой, не без основания видит в героине своего рассказа «воплощение послевоенной плутократии и её джазовой Пляски Смерти» [8, с. 369]. Внутренняя пустота, эгоизм, ужас перед одиночеством,

предчувствие краха, жизнь, лишённая практического смысла и цели – всё это приводит к разрушению, падающий в пропасть увлекает за собой все, что возможно. В конце рассказа автор находит ответ на мучивший его вопрос: «Вдруг я понял, что это относится и ко всей эпохе Констанс, и ко всем ей подобным – скучающим бездельникам, пировавшим на могилах. И погубила их не внезапная катастрофа, не могучее столкновение враждующих сил, в котором они могли бы хоть умереть достойно. Не то, что они слишком часто пьянствовали и растратили деньги, обгаренные кровью многих тысяч погибших людей» [8, с. 369].

В заключение можно сделать следующий **вывод**: кроме поколения мужчин, ставших «потерянными» вследствие Первой мировой войны существует и поколение «потерянных» женщин, судьбы которых находятся в прямой или косвенной зависимости от первых. Анализ рассмотренных произведений позволил выявить причины «потерянности» женщин, характерные особенности в изображении такого рода женских образов, на основе которых была сделана попытка представить классификацию женской «потерянности». «Потерянное» поколение женщин объединяет обострённая чуткость, постоянная душевная напряжённость, мучительное осмысление одиночества, ощущение пустоты и безысходности, отсутствие твёрдой опоры в жизни, глубокие страдания из-за невозможности реализовать себя как женщина и как мать...

ЛИТЕРАТУРА

1. Вулф, В. Избранное / В. Вулф; перев. с англ. / вступ. ст. Е. Гениевой. – М.: Худож. лит., 1989. – 558 с.
2. Ганиева, Е. Правда факта и правда видения / Е. Ганиева // В. Вирджиния. Избранное. – М.: Худож. лит., 1989. – С. – 22.
3. Исакова, Ю.А. Эстетика смерти в романе Вирджинии Вулф «Мисс Дэллоуэй» / Ю.А. Исакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3369/2/word_text_sense_3_11.pdf. – Дата доступа: 20.04.2014.
4. Кронин, А. Роман Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» / А. Кронин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2008/05/10/59>. – Дата доступа: 15.04.2014.
5. Кротков, А. Попойка в сумасшедшем доме. Потерянное поколение снаружи и изнутри / А. Кротков [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2005. – 20 окт. Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/lit/2005-10-20/4_popoika.html. – Дата доступа: 15.11.2013.
6. Лоуренс, Д.Г. Любовник леди Чаттерлей. Порнография и непристойности / Д.Г. Лоуренс. – М.: Моск. обл. организация ВОК, 1991. – 288 с.
7. Меллоу, Дж. Зачарованный круг, или Гертруда Стайн и компания (главы из книги) / Дж. Меллоу // Иностранная литература. – 1999. – № 7. – С. 203–222.
8. Олдингтон, Р. Собрание сочинений: в 4-х т. / Р. Олдингтон; редкол.: Т. Кудрявцева [и др.]. – М.: Худож. лит., 1988–1989. – Т. 2: Дочь полковника: Роман; Рассказы / перев. с англ. и коммент. Н. Михальской, Г. Ионкис. – 1988. – 526 с.
9. Степанова, Т.В. Концепция человека в творчестве Д.Г. Лоуренса / Т.В. Степанова // Изв. Акад. Наук РАН. Серия литературы и языка. – М., 1992. – Т. 51, № 4. – С. 40–51.
10. Толмачёв, В.М. «Потерянное поколение» и творчество Э. Хемингуэя // В.М. Толмачёв // Зарубежная литература XX века: учеб. для вузов; под ред. Л.Г. Андреева. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 2000. – С. 158–222.
11. Урнов, М.В. Ричард Олдингтон / М.В. Урнов. – М.: Высш. школа, 1968. – 78 с.
12. Шабловская, И.В. Литература и война / И.В. Шабловская // История зарубежной литературы (XX век, перв. полов.) / И.В. Шабловская. – Минск: Экспресс, 1998. – С. 45–55.
13. Aldington, R. Colonel's Daughter / R. Aldington. – Lnd.: Chatto and Windus, 1931. – 365 p.
14. Aldington, R. Short stories / R. Aldington, Н. Матвеева. – М: Изд-во «Радуга». Серия «Полиглот», 2002. – 269 p.
15. Lawrence, D.H. Lady Chatterley's Lover / D.H. Lawrence // With an Introd. by R. Hoggart. – L., 1961. – 317 p.
16. Woolf, V. Mrs. Dalloway / V. Woolf, – М.: Менеджер, 2000. – 288 p.

Поступила 02.06.2014

THE FIRST WORLD WAR AND THE GENERATION LOST OF WOMEN

I. ANTIPOVA

On novels of Virginia Woolf's "Mrs. Dalloway", D.G. Lawrence's "Lady Chatterley's Lover", Richard Aldington "Colonel's Daughter" and the story of Richard Aldington "Now Lies She There" the problem of the impact of the First World War on the fate of women who are directly or indirectly related to military events. Using data works the specificity of images fate of the "lost" generation from the female point of view. Brief analysis of female images, which is based on the study of causal relationships, possible to identify so-called types of "helplessness". This study makes it possible to more fully introduce the concept of "lost generation".